УДК 316.7:353 DOI: 10.12737/20381

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИСТЕМА РЕГИОНА (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Реутов Е.В., Павлова О.А., Тришина Т.В.[1]

Социокультурная система Белгородской области, как следует из результатов социологического исследования, характеризуется относительной стабильностью и целостностью. В определенной мере это является следствием сохранения в общественном сознании значительной доли традиционализма. Моральные ориентиры для большинства жителей региона заданы сложившимися в обществе нормами, для которых характерна достаточно высокая степень неприятия различных социальных отклонений. В настоящее время происходит трансформация традиционалистских ценностей и практик в «современные» - с ведущей ролью индивидуализма, наращиванием потребительских потребностей и постепенным уходом от всеобъемлющего государственного регулирования. Вместе с тем, ориентация на стабильность, а не на перемены, остается доминантой массового сознания.

Ключевые слова: социокультурная система, ценности, традиционализм, «современность», социальные нормы, ценностные приоритеты

SOCIO-CULTURAL SYSTEM OF THE REGION (SOCIOLOGICAL ANALISYS)

REUTOV E.V. – Candidate of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Social Technologies, Belgorod National Research University (Russian Federation, Belgorod), e-mail: reutovevg@mail.ru

PAVLOVA O. A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, First Deputy Director of the Department of Internal and Personnel Policy of the Belgorod region (Russian Federation, Belgorod), e-mail: xmarykan@mail.ru

TRISHINA T. V. – Candidate of Sociological Sciences, Deputy Director of Belgorod Regional Institute of Personnel Policy (Russian Federation, Belgorod), e-mail: trishina@irkp31.ru

The socio-cultural system in the Belgorod region, as follows from the results of sociology research, is characterized by stability and integrity. To a certain extent, it is a result of preserving the significant share of traditionalism in public consciousness.

Реутов Евгений Викторович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий; Белгородский государственный национальный исследовательский университет; адрес: 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д.85; e-mail: reutovevg@mail.ru

Павлова Ольга Альбертовна, кандидат педагогических наук, доцент, первый заместитель начальника департамента; Департамент внутренней и кадровой политики Белгородской области; адрес: 308000, Россия, г. Белгород, пл. Соборная, 4; e-mail: xmarykan@mail.ru

Тришина Татьяна Владимировна, кандидат социологических наук, заместитель директора; ОАУ «Институт региональной кадровой политики» Белгородской области; адрес: 308007, Россия, г. Белгород, ул. Студенческая, 11а; e-mail: trishina@irkp31.ru

The moral guidelines for most citizens in the region are set by prevailing norms in society, which have a high degree of rejection of various social deviations. Currently, there is a transformation of traditional values and practices in «modern» ones - with the leading role of individualism, escalating consumer demand and gradual refusal from the comprehensive state regulation. However, orientation to the stability, not to the change, is the dominant of mass consciousness.

Keywords: socio-cultural system, values, traditionalism/«modernity».

Процессы дезинтеграции, «атомизации» российского общества, проявления которых остро ощущаются на протяжении последних двадцати лет, во многом обусловлены кризисом духовно-нравственной сферы, утратой моральных ориентиров. Стремительная девальвация идеологизированных ценностей советского общества и некритичное копирование стандартов западного образа жизни, агрессивное вторжение ценностей рыночной экономики привели к эрозии ряда важных морально-нравственных норм и ценностных установок, традиционных для России.

Однако рассматривая незавершенный процесс транзита 1990 – 2000-х гг. как «культурную травму», вызванную несоответствием нового образа жизни традиционной культуре и кризисом идентичности (П. Штомпка)[1], не следует впадать в алармизм и констатировать лишь его негативные последствия. Очевидно, что изменение ценностной структуры российского общества являлось необходимым компонентом его адаптации к новому мировому порядку, стремительно утрачивающему сами атрибуты порядка как такового и меняющего свой статический каркас на динамическую текучесть.

Социокультурная модернизация российского общества рассматривается Н.И. Лапиным как основная предпосылка выхода из стагнации и повышения конкурентоспособности России[2]. Продолжение легитимизации практик вседозволенности или их преодоление постулируется им как ключевая ценностная развилка Российской цивилизации[3].

Между тем консервативно-модернизационный гибрид публичного дискурса свидетельствует о неготовности и неспособности российской элиты решать вопрос о приоритетах социокультурной динамики. И что еще важнее, продолжается ценностная дезинтеграция российского общества. Анализ результатов мониторингов Левада-Центра показывает, что к настоящему времени потенциал «крымского консенсуса» в консолидации российского общества оказался фактически исчерпанным. Поступательный рост доли граждан, считающих, что дела в стране идут в правильном направлении, завершился в октябре 2015 года (достигнув 61%) и затем пошел на спад, составив в январе 2016 года 45%, вернувшись тем самым к значениям 2014 года[4].

---

[1] Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. №1. С. 12.

[2] Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. №9. С. 13.

[3] Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2015. №1. С. 7.

[4] Январские рейтинги одобрения и доверия - URL: http://www.levada.ru/2016/01/27/yanvarskie-rejtingi-odobreniya-i-doveriya-4/ (дата обращения 10.02.2016).

Что еще важнее, большинство (абсолютное или относительное) населения продолжает искать образцы оптимальных экономической и политической моделей в мифологизированном советском прошлом. Так, по данным Левада-Центра (январь 2016 г.), экономическую систему, основанную на государственном планировании и распределении, считают предпочтительной 52% респондентов (рыночную – 26%), причем это соотношение мало изменилось с конца 1990–х гг. Советскую политическую систему считают оптимальной 37% опрошенных (современную российскую – 23%, демократию по образцу Запада – 13%)[1].

Реализация программ развития в регионах России требует всестороннего анализа их социокультурного потенциала, связанного с доминирующей ценностной системой, включенностью населения в «современный» образ жизни и соответствующие практики, готовностью к мобильности и мобилизации, институциональным и межличностным доверием и т.п.

Измерение ценностной структуры массового сознания является важным инструментом понимания сущности социальных отношений. Основываясь на результатах социологического опроса, проведенного Институтом региональной кадровой политики Белгородской области по региональной репрезентативной выборке (период проведения – декабрь 2015 г., N=1200 респондентов), можно выстроить иерархию жизненных ценностей населения. Так, в группе очень важных (поддержанных 80 и более процентами выборочной совокупности) и важных (от 60 до 80 процентов) ценностей респондентами были отмечены:

- уважение к старшим (88,1%);
- счастье в семейной жизни (86,0%);
- любовь к Родине (85,0%);
- соблюдение норм морали (84,9%);
- спокойствие и уверенность (84,4%);
- соблюдение закона (84,1%);
- помощь людям, попавшим в беду (83,8%);
- выполнение своих обязательств (83,7%);
- профессионализм в своем деле (81,7%);
- здоровый образ жизни (81,0%);
- личная культура (80,0%);
- целеустремленность и настойчивость (78,8%);
- нужность другим людям (76,3%);
- следование своей мечте и развитие творческих способностей (75,5%);
- получение удовольствия от жизни, новые впечатления (71,1 %);
- уважение чужого мнения, даже если не согласен с ним (65,3%).

Такие ценности, как карьера (57,5%), богатство (51,5%), влиятельность и значимость (45,0%), политическая активность (43,1%), являются для респондентов менее значимыми.

Однако данная иерархия свидетельствует не только о доминирующем традиционализме массового сознания, но и о высокой степени его конформности. Так, заданный отдельно вопрос о допустимости отклонения от моральных норм выявил следующее: лишь 38% респондентов посчитали для себя недопустимым переступить через

[1] Предпочтительные модели экономической и политической систем – URL: http://www.levada.ru/2016/02/17/predpochtitelnye-modeli-ekonomicheskoj-i-politicheskoj-sistem/ (дата обращения: 21.02.2016).

свои моральные принципы и нормы. И, наоборот, 30,8% опрошенных отметили это как вполне допустимое, если нужно добиться поставленных целей. Таким образом, указанный ряд ценностей дает представление прежде всего, об их иерархии, но не о реальном влиянии на конкретные поведенческие ориентации.

Нужно также отметить, что применительно ко всему ряду ценностей респонденты, посчитавшие их для себя «очень важными», оказались в меньшинстве. В том числе это характеризует такие традиционные ценности, как соблюдение закона, следование нормам морали, любовь к Родине, уважение к старшим, выполнение своих обязательств и др., отличающиеся высокой значимостью для респондентов. Размывание ценностной системы, перевод терминальных ценностей в инструментальные вполне соответствует ситуации «конца нормативной определенности» и «нормальной аномии», наступающей в результате непредсказуемой социальной динамики, диффузии различных «социальных пространств» и «социальных времен»[1].

Для лучшего понимания ценностных приоритетов, дающих представление о балансе традиционности/современности в культуре регионального сообщества, респондентам был предложен вопрос с предполагаемым выбором из бинарных пар ценностей. Согласно полученным результатам, наиболее значимыми для респондентов ценностями, которые они выбрали из предлагаемых бинарных пар, являются:

- семья (81,0%), а не карьера (19,0%);
- интересы личности (57,0%), а не интересы коллектива (43,0%);
- помощь (79,0%), а не невмешательство (21,0%);
- стабильность (77,5%), а не перемены (21,0%);
- национальные традиции (68,2%), а не глобальная культура (31,8%);
- активные действия (73,8%), а не созерцание (наблюдение) (26,2%);
- свобода самовыражения (66,2%), а не ориентация на общественное мнение (33,8%);
- государственное регулирование экономики (57,4%), а не свободный рынок (42,6%);
- экология (73,5%), а не технический прогресс (26,4%).

Представленные выборы респондентов также говорят о сложном переплетении в ментальности регионального сообщества традиционалистских и «современных» характеристик. Традиционалистские элементы массового сознания характеризуются прежде всего приоритетом семьи над карьерой, национальных традиций над глобальной культурой, определяются ориентацией на стабильность, а не на перемены, на государственное регулирование экономики, а не на свободный рынок (хотя в последнем случае доля сторонников государственного регулирования ненамного больше доли сторонников свободного рынка). О «современных», даже в определенной мере либеральных установках свидетельствуют приоритет интересов личности над интересами коллектива (хотя здесь нет абсолютного преобладания), ориентация на активные действия, а не на созерцание, на свободу самовыражения, а не на общественное мнение. Таким образом, бытующие зачастую представления о предельно консервативном характере общественного сознания жителей российской провинции - это своего рода стереотип. Соответственно патерналистские

[1] Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. – 2014. №8. С. 3–10.

управленческие стратегии, навязывание консервативных ценностей без учета вполне сформировавшихся элементов современного образа жизни у значительного количества населения в настоящее время малоэффективны.

Следует осознавать, что в России в целом и в том числе в регионе сформировалось «общество потребления», в котором ценности самореализации, личного успеха и индивидуальной свободы сочетаются с достаточно высоким уровнем ожиданий от внешних институций, в том числе от государства.

Прослеживаются некоторые различия в ответах городских и сельских жителей, а также мужчин и женщин. Так, горожане и мужчины чаще, чем жители села и женщины, отмечали значимость таких ценностей, как карьера, интересы личности, перемены, глобальная культура, активные действия, свобода самовыражения, свободный рынок, технический прогресс. Жители сельской местности и женщины, в свою очередь, чаще, чем городское население и мужчины, выбирали такие ценности, как семья, интересы коллектива, стабильность, национальные традиции, созерцание (наблюдение), ориентация на общественное мнение, экология. Значимость тех или иных ценностей обусловлена также возрастом респондентов. С повышением возраста респондентов снижается выбор таких ценностей, как карьера, интересы личности, перемены, глобальная культура, активные действия, свобода самовыражения, свободный рынок, технический прогресс, и увеличивается значимость таких ценностей, как семья, интересы коллектива, стабильность, национальные традиции, созерцание (наблюдение), ориентация на оценку окружающих.

Об утрате ценностной системой монолитности и жесткости, присущей традиционалистским сообществам, говорит различная степень принятия, допустимости тех или иных явлений, форм социального поведения, ранее рассматривавшихся как девиации или патологии. К таким явлениям относятся прежде всего:

- развод (38,4% считают в целом оправданным, 42,4% - неоправданным);
- смертная казнь (34,1% и 45,1%, соответственно);
- уклонение от службы в армии (28,6% и 53,3%);
- эвтаназия (25,5% и 51,0%);
- аборты (24,3% и 60,4%);
- сокрытие налогооблагаемых доходов (24,0% и 54,6%);
- свободные отношения, секс без обязательств (21,0% и 58,6%);
- пьянство, алкоголизм (10,3% и 76,9%);
- проституция (8,7% и 77,7%);
- однополые сексуальные связи (7,3% и 83,2%).

Полученные данные позволяют сделать вывод, во-первых, о том, что взгляды на отношения полов и институт семьи в целом претерпевают значительные изменения и утрачивают традиционалистский характер. Традиционные взгляды на семью и гендерные отношения пока еще преобладают, но здесь важно учитывать то, что в ряде случаев эти взгляды расходятся с реальными практиками (если, например, иметь в виду большое количество разводов). В-вторых, в массовом сознании не в полной мере сформирован компонент социальной ответственности, о чем говорит высокая доля респондентов, считающих допустимым сокрытие налогооблагаемых доходов (24% при 21,4% затруднившихся с ответом). И, в-третьих, следует отметить достаточно высокий уровень

беспокойства, связанного с криминальной обстановкой, и дегуманизации отношений, о чем свидетельствует значительная доля респондентов (34,1%), оправдывающих смертную казнь, лишь немногим меньшая, чем доля считающих ее недопустимой.

В качестве наиболее важных составляющих в отношениях между людьми респонденты отметили:

- уважение к другим людям (его указали 44,5% опрошенных);
- честность, искренность (31,8%);
- доверие (30,9%);
- взаимопомощь (29,8%).

Интересно, что при достаточно высокой степени значимости такого качества межличностных отношений, как уважение к другим людям, учет интересов друг друга находится на периферии значимости (его отметили лишь 12,0% респондентов). Это в определенной мере, свидетельствует о недостатке рациональности в отношениях и в то же время о некотором эгоцентризме и нежелании вникать в интересы и потребности другого. В целом же для иерархии предпочтительных принципов, регулирующих социальные отношения, также характерна «аномическая» составляющая – ни один из них не был отмечен абсолютным большинством участников опроса.

В этом ряду следует особо отметить категорию доверия. Являясь одним из основных факторов образования устойчивых социальных связей как межличностного, так и институционального характера[1], социальное доверие является в российском обществе достаточно дефицитным ресурсом. Российский социум, особенно в его провинциальном изменении, остается традиционалистским в том смысле, что доверием в нем наделяются либо сетевые структуры с небольшим радиусом отношений, либо персонализированные институты[2].

При изучении такого системообразующего с точки зрения ведущих идеологических трендов компонента духовно-нравственных ориентиров, как патриотизм, было выявлено, что две трети опрошенных (64,6%) разделяют такое мнение. Патриотизм для них – это действительно «значимая ценность, объединяющая людей». Остальные респонденты либо затруднились с ответом (28,2%), либо считают патриотизм пережитком (7,2%).

Трансформация ценностей в поведенческие практики осуществляется через целеполагание и определение перспектив различного срока упреждения. Как свои основные жизненные цели на ближайшие 5 – 10 лет респонденты отметили прежде всего:

- увеличить свой доход (29,3%);
- посетить другие города, страны (28,2%);
- воспитать, "устроить" детей (22,4%);
- купить квартиру, построить дом (21,9%);
- создать семью (18,0%).

---

[1] Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. – М., 2004; Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge: Polity Press, 1990; Rothstein B., Uslaner E.M. All for all: Equality, corruption, and social trust // World politics. 2005. 58(1). Pp. 41– 72; Uslaner E.M. The moral foundations of trust. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

[2] Реутов Е.В., Реутова М.Н. Недоверие в установках и практиках населения // Социологические исследования. 2015. №6. С. 132.

Таким образом, достижение материального благополучия является для респондентов приоритетной, но далеко не единственной целью. Выстраивание приоритетных жизненных стратегий связано также с семейной сферой, заботой о детях. Ну и значительная доля респондентов ориентирована на получение новых впечатлений от жизни, связанных прежде всего с путешествиями.

Значимость для белгородцев ценностей и жизненных практик, связанных с самореализацией, подтверждает их отношение к профессиональной деятельности. Работа как ценность, а не только как источник дохода довольно значима для опрошенных. Так на вопрос «Если бы у Вас было достаточно денег, чтобы жить безбедно, продолжали бы Вы работать?» утвердительно ответили 54,2% респондентов. Среди горожан значение данного показателя увеличивается до 58,0%, в то время как среди жителей села снижается до 48,9%.

Мужчины чаще отмечают, что продолжали бы работать, даже если бы у них было достаточно денег, чтобы жить безбедно – 59,1% против 49,1% у женщин.

Значение показателя существенно снижается с увеличением возраста респондентов. Так, среди молодежи готовы продолжить работать 63% опрошенных, а в возрастной категории 60 лет и старше – только 38%.

В то же время в условиях современной реальности в своей профессиональной деятельности наиболее важным респонденты считают все-таки заработок (его отметили 56,7% опрошенных). Самореализация (28,3%) и возможность приносить пользу обществу (21,9%) отодвигаются на второе и третье места.

Следует отметить, что полученные нами данные соответствуют тенденции, зафиксированной орловскими социологами. Сравнивая результаты исследования, проведенного в Орловской области в 2013 году, с данными, полученными в ходе всесоюзного исследования сектора комплексных исследований образа жизни ИСИ АН СССР в рамках программы "Состояние и основные тенденции развития образа жизни советских людей" в 1986 году, М.А. Федосеева отмечает, что если интересная работа ранее занимала второе место в иерархии ценностей, то в настоящее время произошло ее смещение на шестое место[1].

Несмотря на значимость индивидуалистических ориентаций массового сознания белгородцев, социальная справедливость продолжает оставаться одной из основных ценностей. Люди в массе своей болезненно воспринимают ситуации, акцентирующие социальное неравенство. Так, в качестве основных раздражителей, которые порождают социальную напряженность в обществе, респонденты отметили, прежде всего:

- разделение на богатых и бедных (50,4%);
- неравенство возможностей (29,9%);
- бездуховность, низкий уровень культуры (25,8%);
- беззащитность граждан перед властью (23,2%);
- безнаказанность должностных лиц (22,3%).

Молодежь в возрасте 16 – 29 лет больше всего раздражает неравенство возможностей (34,5%). У респондентов 30–39 лет чаще всего раздражение вызывают неравенство возможностей (39,2%), бездуховность, низкий уровень культуры (30,1%), разъединенность,

[1] Федосеева М.А. Ценность труда в представлениях провинциала (на примере Орловской области)// Среднерусский вестник общественных наук. 2014. №: (36). С. 36– 37.

отсутствие сплоченности между людьми (23,0%). Для респондентов 40– 59 лет основными раздражителями являются разделение на богатых и бедных (54,8%), беззащитность граждан перед властью (29,3%), отсутствие стабильности, слишком быстрые перемены (24,2%). Старшее поколение больше всего раздражает разделение на богатых и бедных (55,0%), беззащитность граждан перед властью (30,0%), безнаказанность должностных лиц (27,3%).

Таким образом, в рефлексии большинства людей над категорией социальной справедливости доминируют «материальные» факторы, связанные с поляризацией доходов. Однако для молодых и относительно молодых людей все большую значимость приобретает фактор равенства возможностей. Похожая тенденция отмечается и на материалах всероссийских исследований[1].

Подводя итог, следует отметить, что духовно-нравственное состояние населения Белгородской области характеризуется относительной стабильностью и целостностью. В определенной мере это является следствием сохранения в общественном сознании значительной доли традиционализма. Моральные ориентиры для большинства жителей региона заданы сложившимися в обществе нормами, для которых характерна достаточно высокая степень неприятия различных социальных отклонений. В наибольшей мере это относится к таким формам поведения и социальным явлениям, как однополые связи, проституция, пьянство и алкоголизм, обогащение за счет других. Вместе с тем, общественная мораль утрачивает непререкаемый авторитет, а сами представления о моральных ценностях и нормах размываются.

В настоящее время происходит трансформация традиционалистских ценностей и практик в «современные» с ведущей ролью индивидуализма, наращиванием потребительских потребностей и постепенным уходом от всеобъемлющего государственного регулирования. Вместе с тем ориентация на стабильность, а не на перемены остается доминантой массового сознания, пережившего ряд фрустраций в ходе непредсказуемых либеральных реформ. Социальная справедливость для большинства населения, особенно старших возрастных групп, продолжает ассоциироваться с относительной социоэкономической гомогенностью общества, а не с равными возможностями или с отсутствием произвола со стороны власти. Очевидно, что у данной социокультурной динамики есть пределы. По крайней мере, в кратко- и среднесрочной перспективе ценностная система не будет трансформироваться в соответствии с либеральными принципами. С одной стороны, традиционалистские элементы массового сознания в российском обществе продолжают воспроизводиться существующими культурными институтами (такими, как религия) и культивироваться доминирующими элитными группами. С другой, сама система либеральных ценностей в настоящее время переживает определенный кризис, не выдерживая конкуренции с архаичными практиками. В результате сплав традиционализма и «современности» выглядит достаточно жизнеспособной и даже эффективной нормативно-ценностной моделью.

В данных условиях в управлении регионом патерналистские стратегии, навязывание консервативных ценностей без учета вполне сформировавшихся элементов современного

[1] Ирсетская Е.А., Китайцева О.В. Социальная справедливость как платформа реализации жизненных устремлений Россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 27,19–31.

образа жизни у значительного количества населения являются малоэффективными. Однако при этом спрос на эффективное государство и качество предоставляемых им услуг будет расти. Патерналистские ожидания в сочетании с повышением требований к качеству государственного управления будут преобладать у большинства населения. Никуда не денется и неудовлетворенность подавляющего большинства людей воплощением принципа социальной справедливости. Без изменения системы распределения доходов общество останется фрагментированным. Гражданский активизм в ближайшее время не станет массовым явлением, однако его поддержка является одним из наиболее перспективных направлений государственной и особенно муниципальной политики. Запрос общества на взаимное уважение, честность в отношениях между людьми должен стать основанием для соответствующей трансформации общественных и государственных институтов.

Библиография/References:

1. Ирсетская Е.А., Китайцева О.В. Социальная справедливость как платформа реализации жизненных устремлений россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2015. № 6. С. 19 – 31.

2. Кравченко С.А. "Нормальная аномия": контуры концепции // Социологические исследования. – 2014. № 8. С. 3 – 10.

3. Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. – 2011. № 9. С. 3 – 17.

4. Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. – 2015. № 1. С. 5 – 10.

5. Реутов Е.В., Реутова М.Н. Недоверие в установках и практиках населения // Социологические исследования. – 2015. № 6. С. 126 – 132.

6. Федосеева М.А. Ценность труда в представлениях провинциала (на примере Орловской области) // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 6 (36). – С. 31 – 42.

7. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.

8. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. – 2001.– № 1. С. 6 – 16.

9. Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.

10. Rothstein B., Uslaner E.M. All for all: Equality, corruption, and social trust // World politics. 2005. 58(1). Pp. 41 – 72.

11. Uslaner E.M. The moral foundations of trust. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

1. Irsetskaia, E.A., Kitaitseva, O.V. (2015) Sotsial'naia spravedlivost' kak platforma realizatsii zhiznennykh ustremlenii Rossiian [Social justice as a platform implementation of vital aspirations of Russians] // Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. – № 6. – P. 19 – 31. (In Russ.)

2. Kravchenko, S.A. (2014) "Normal'naia anomiia": kontury kontseptsii ["Normal anomy": the contours of the concept] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological studies]. – № 8. P. 3 – 10. (In Russ.)

3. Lapin, N.I. (2011) Sotsiokul'turnye faktory rossiiskoi stagnatsii i modernizatsii [Socio-cultural factors of russian stagnation and modernization] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological studies]. № 9. P. 3 – 17. (In Russ.)

4. Lapin, N.I. (2015) Aktual'nye teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovanii rossiiskoi modernizatsii [Recent theoretical and methodological aspects of research of russian modernization] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological studies]. № 1. P. 5 – 10. (In Russ.)

5. Reutov, E.V., Reutova M.N. (2015) Nedoverie v ustanovkakh i praktikakh naseleniia [Distrust in attitudes and practices of the population] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological studies]. № 6. P. 126 – 132. (In Russ.)

6. Fedoseeva, M.A. (2014) Tsennost' truda v predstavleniiakh provintsiala (na primere Orlovskoi oblasti) [Value of labor in presentation of provincialist (on the example of the Oryol region)] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]. № 6 (36). P. 31 – 42. (In Russ.)

7. Fukuiama, F. (2004) Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniiu [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. – M.: OOO «Izdatel'stvo ACT»: ZAO NPP «Ermak». – 730 p. (In Russ.)

8. Shtompka, P. (2001) Sotsial'noe izmenenie kak travma (stat'ia pervaia) [Social change as the injury (first article)] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological studies]. – № 1. – P. 6 – 16. (In Russ.)